

Перерыв закончился, и обоим пришлось свернуть разговор о том, «мягкий ли кто-то или нет».

Хотя Сюй Цичэнь весь день пребывал в прекрасном расположении духа, да и съёмки продвигались успешно, хронический недосып дал о себе знать: едва стемнело, как веки начали слипаться. Пришлось попросить Сяосяо купить кучу кофе и буквально силой влить его в себя.

Итог оказался закономерным — желудок отозвался острой болью.

Предстоящая сцена с поцелуем логически продолжала вчерашний эпизод, где Юй Нин прибегает в квартиру Линь Жаня. Режиссёр провёл Линь Жаня и Сюй Цичэня в съёмочную комнату.

— Нанькэ, Юй Нин, когда войдёте, — режиссёр Чэнь придержал Сюй Цичэня за плечи, показывая Линь Жаню траекторию движения, — ты подхватываешь Юй Нина под руку, ведёшь вот отсюда и заводишь в спальню.

Переступив порог, Чэнь Аньпин указал на эркерное окно:

— Подойдёте туда, встаньте в кадр. Я гляну композицию и свет. Эту сцену хотим снять без искусственного освещения, чисто под лунной. Если окажется слишком темно, снаружи закрепим софит с холодным светом.

Выполняя указания, Линь Жань и Сюй Цичэнь приблизились к кровати. По сценарию Сюй Цичэнь забрался на постель, приподняв корпус, а Линь Жань присел на край. Кровать примыкала вплотную к эркеру, и лунный свет, проходя сквозь стекло, заливал обоих мягким сиянием.

— Отлично, просто замечательно! Свет лежит идеально, — одобрительно отозвался режиссёр Чэнь, сверяясь с монитором. — Юй Нин, подайся немного назад... Да, вот так. Нанькэ, обними его обеими руками. Юй Нин, чуть поверни голову — в три четверти, мне нужен крупный план глаз.

Актёры то и дело меняли позы, следуя командам.

Сначала Сюй Цичэнь чувствовал себя неловко, но профессионализм режиссёра быстро помог сбросить эмоциональный груз. Линь Жань тоже держался исключительно серьёзно, раз за разом уточняя с постановщиком малейшие детали.

— Готово. Начнём.

— Сцена тринадцатая, дубль первый! Камера, мотор!

Нанькэ ввёл ослабевшего Юй Нина в квартиру и ногой захлопнул дверь. Нащупав выключатель, он щёлкнул им несколько раз — бесполезно, свет так и не загорелся.

— Похоже, электричество вырубили, — тихо произнёс он. — Давай я помогу тебе дойти до кровати.

Юй Нин лишь едва слышно застонал, всем весом бессильно обмякнув на его плече.

С трудом дотащив его до постели, Нанькэ опустил парня на матрас. Кровать оказалась довольно жёсткой, но всё вокруг пропиталось знакомым запахом — едва уловимым, чистым ароматом стирального порошка, исходившим от хозяина дома.

Сюй Цичэнь мысленно чертыхнулся: ну и везёт же ему! Вчера во время съёмок предыдущего дубля он валился с ног от голода, благодаря чему вышло ровно то, чего требовал режиссёр Чэнь. Сегодня же он плотно поужинал, опасаясь, что не сможет настроиться на нужную эмоцию и запрет сцену.

Кто же знал, что из-за выпитого кофе снова разболеется желудок?

[0901: «Господин Сюй, ваше здоровье оставляет желать лучшего».]

«Впредь буду регулярно тренироваться», — мысленно отозвался Сюй Цичэнь.

[0901: «Звучит не слишком убедительно».]

Нанькэ приложил ладонь к лбу Юй Нина, но его собственная кожа была горячей, так что определить температуру не удалось. Тогда он аккуратно приподнял парня и прислонил его к стене.

Сознание Юй Нина смутно блуждало во хмелю, и, ощутив внезапную близость Нанькэ, он вздрогнул.

Их лбы соприкоснулись.

Камера не могла уловить всех нюансов с этого ракурса, но Сюй Цичэнь отчётливо заметил, как изменился взгляд Линь Жаня в то самое мгновение, когда их кожи касались друг друга.

На лбу Сюй Цичэня проступила испарина — такое не сыграешь ни за какие деньги.

— У тебя жар, — произнёс Линь Жань, мгновенно вернувшись в образ Нанькэ.

Юй Нин отвернулся, отведя взгляд к окну.

— Кажется, у меня оставались жаропонижающие, сейчас поищу, — сказал Нанькэ и вышел из комнаты.

Юй Нин медленно поднял руку, коснулся собственного лба, а затем опустил ладонь на тёмно-синюю простыню, ощущая пальцами текстуру ткани. Лунный свет падал на его лицо, дробясь на световые блики и глубокие тени.

Нанькэ вернулся со стаканом молока и белой таблеткой на ладони.

Прижавшийся к стене Юй Нин внезапно произнёс:

— Я очень люблю читать Альбера Камю.

Дыхание Сюй Цичэня сбивалось, а голосу невольно передалась тихая, печальная интонация:

— В «Счастливой смерти» у него есть такие слова: «Как и всегда, самое прекрасное в его жизни оказалось неразрывно сплетено с самым ужасным».

Юй Нин поднял взгляд на Нанькэ; в его глазах блеснула затаённая боль.

— Раньше я этого не понимал. Теперь понял. Когда однажды встречаешь то самое, невообразимо прекрасное, к чему стремилась вся твоя душа, одновременно с этим приходится принять и жестокую правду — тебе никогда этим не обладать.

Поставив стакан на тумбочку возле кровати, Нанькэ слегка улыбнулся:

— Надо же, каково совпадение. Я тоже читал Камю. Но мне больше по душе другая фраза.

Лунный свет щедро затапливал его зрачки.

— «Любить то, чего никогда не увидишь вновь, любить в огне и с неистовым криком, а затем сгореть. Именно в это мгновение человек и живёт».

Улыбка Линь Жаня дышала такой всепоглощающей нежностью, что в ней хотелось утонуть.

Сюй Цичэнь замер. Мысли в голове мгновенно улетучились.

— Стоп! Снято! — выкрик Чэнь Аньпина прозвучал как звонкая пощёчина, мгновенно

приведшая его в чувство.

— Простите, простите пожалуйста... Я немного отвлёкся...

Режиссёр Чэнь тихо вздохнул:

— Слушай, сбрось ты этот зажим! Освободи голову. Сейчас ты не Цзи Мэнцзэ, ты — Юй Нин. Пойми: перед тобой человек, в которого ты влюблён с первого взгляда. И когда он произносит нечто подобное, звучащее почти как признание, твои чувства должны хлынуть наружу сдерживаемой плотиной! До этого момента ты давил их в себе, но здесь нужно полностью сорваться. Понимаешь?

— Ты сам когда-нибудь любил кого-то безответно? Вспомни это чувство.

Последний вопрос режиссёра поднял из глубин памяти Сюй Цичэня давно погребённые воспоминания. В груди проснулась тупая боль — он даже не мог разобрать, то ли это ноет травмированный желудок, то ли щемит отдавшееся тоской сердце.

— Настройся. Нанькэ, через пару минут повторишь свою реплику. Поцелуй я расписывать не стану — лучшая сцена получится, если сработаете на импровизации. Если не выйдет, тогда разберём по шагам.

— Хорошо.

Спустя пару минут:

— Сцена тринадцатая, дубль второй! Камера, мотор!

Нанькэ стоял прямо перед ним. На его лице играла всё та же безупречно мягкая, сдержанная улыбка.

— «Любить то, чего никогда не увидишь вновь, любить в огне и с неистовым криком, а затем сгореть. Именно в это мгновение человек и живёт».

Руки Сюй Цичэня мелкой дрожью отозвались на эти слова.

В сию секунду образ Юй Нина — готового сгореть дотла ради капли тепла и света — окончательно слился воедино с ним самим, трусливым и робким.

Лишь сознание того, что всё происходящее — лишь игра, придало ему решимости сделать этот шаг.

И он подался вперёд, сгребая мужчину в объятия. Пальцы отчаянно дрожали, впиваясь в ткань на его спине, пока сам Сюй Цичэнь, забыв обо всём на свете, вонзился в его губы поцелуем.

Линь Жань замешкался едва ли на мгновение, после чего откликнулся с безумной, обжигающей страстью. Кожа Сюй Цичэня пылала, будто кровь в его жилах закипела от долго сдерживаемого жара. Их губы и зубы сталкивались с дикой, неистовой силой; безудержное сплетение языков сбило дыхание и заставило пульс бешено колотиться.

Собственное сердце, казалось, больше ему не подчинялось.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь их тяжёлым, рваным дыханием, тихим влажным всхлипом да сдавленным стоном.

Поцелуй становился всё глубже и жаднее, не оставляя воздуха. Сюй Цичэнь чувствовал, что вот-вот задохнётся.

Наконец Линь Жань чуть отстранился. Сюй Цичэнь, подобно вытащенной на берег рыбе, припал к его плечу, беспомощно глотая воздух набухшими, ярко-алыми губами.

Скользя по грани небытия, он ощутил, как тёплые ладони ласково поглаживают его по спине, а пальцы бережно зарываются в волосы у самых корней, плавно опускаясь к кончикам.

Мужчина невесомо, будто касаясь воды крылом стрекозы, прикоснулся губами к макушке, затылку и бледной шее.

Время словно остановило свой ход — и длилось это до тех пор, пока не раздался голос Чэнь Аньпина:

— Замечательно! Дубль снят!

Сюй Цичэнь тут же поспешил отстраниться от Линь Жана. И хотя опомниться от обжигающего поцелуя пока не удавалось, он отодвинулся подальше, прислонившись спиной к прохладной стене.

В подобной ситуации лёгкая шутка помогла бы разрядить сгустившуюся неловкость, однако у него не нашлось сил на иронию. Линь Жань тоже промолчал.

Ему было паршиво — и душой, и телом.

Одно радовало: режиссёр остановку сделал точнёхонько вовремя. Затянись дубль ещё хоть ненадолго — и пиши пропало.

Сюй Цичэнь редко бывал азартен или тщеславен, но прямо сейчас в нём неожиданно проснулся мелочный азарт.

«0901, — спросил он в мыслях, — а у Линь Жаня есть какая-то... особенная реакция?»

[0901: «Господин Сюй, вы можете понаблюдать сами».]

Съёмочная группа вокруг пришла в движение. Сюй Цичэнь проводил взглядом уходящего из спальни Линь Жаня:

«... Я готов заплатить баллами. Лишь бы хватило».

[0901: «Если вы настаиваете, с вашего счёта будет списано три тысячи баллов».]

А ведь он только-только начал радоваться, что в последние дни баллы сыплются на него щедрым дождём, и успел почувствовать себя чуть ли не богачом. Кто ж знал, что час расплаты настанет так быстро?

Сюй Цичэнь стиснул зубы и подтвердил транзакцию. Цифры на виртуальном табло мгновенно мелькнули, сменив три с половиной тысячи на жалкую пятисотку.

Из князей да в грязи — в мгновение ока.

Приуныв, но в то же время сгорая от любопытства, Сюй Цичэнь поторопил:

«Ну же, говори».

[0901: «Господин Сюй, реакция Линь Жаня оказалась несколько сильнее вашей. В данный момент он направился в уборную».]

Услышав отповедь ИИ, Сюй Цичэнь оторопел.

На душе стало одновременно неловко и почему-то... радостно. Что за странная мешанина чувств?

Впрочем, к чёрту всё. Главное...

Он не проиграл.

<http://bllate.org/book/20431/2132129>